М.Н. Черкасова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ростовского государственного университета путей сообщения (РГУПС), докторант кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: chercasovamn-rostov@rambler.ru

ЯЗЫК СМИ КАК ЗЕРКАЛО СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПРЕЗЕНТАЦИИ АГРЕССИВНОГО КОМПОНЕНТА НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

В работе анализируется современное состояние русского языка с точки зрения презентации агрессивного компонента на страницах современной российской прессы как отражение проблем социума. Агрессивный компонент может быть реализован при помощи предметно-тематического, семантико-аксиологического, логико-грамматического и логико-композиционного способов. Наиболее яркими способам манифестации агрессии в современном информационном пространстве являются предметно-тематический и семантико-аксиологический способы.

Ключевые слова: *агрессивный компонент, предметно-тематический, семантико-аксиологический, логико-грамматический, логико-композиционный способы.*

Modern Russian Language situation from the point of view of aggressive component presentation on the pages of Russian press as reflection of society problem is given in the article. Aggressive component may be realized with the help of subject-thematic, semantic-axiological, logic-grammatical and logic-composition ways. The brightest ways of aggression manifestation in modern informational area are subject-thematic and semantic-axiological ways.

Key words: *aggressive component, subject-thematic, semantic-axiological, logic-grammatical and logic-composition ways.*

Сравнение языка с зеркалом, в котором отражается эпоха, период, событие, стало привычным для работ социолингвистического характера. При этом, на наш взгляд, речь идет о явлении “looking glass self” (зеркальное “я”) [Бачинин, 2005, с. 89], так как “человек говорящий” (homo eloquens), его коммуникативные действия, коммуникативная среда и коммуникативные намерения становятся предметом исследований, при этом происходит рефлексия действительности в самосознание личности для согласования позиций [там же, с. 129]. Социальная жизнь, основной компонентой которой является человек, наиболее полно представлена в СМИ, которые транслируют и тиражируют представление о жизни современного общества. Справедливо мнение Т.Г. Добросклонской, что “механизм функционирования СМИ предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это

гораздо более важно, ее интерпретацию, комментарий, оценку, способствующую созданию определенного идеологического фона" [Добросклонская, 2008, с. 213]. Идеология, как система взглядов, идей и представлений, может существовать только в обществе, равно как и общество не может существовать без идеологии. При этом "лингвистика убеждения" становится неотъемлемой частью публицистического дискурса, наиболее заметной и востребованной в эпоху перемен» [Клушина, 2008, с. 9—10]. Н.И. Клушина подчеркивает, что у российского читателя отсутствует рефлексия на массмедийную продукцию, что оставляет широкие возможности для манипуляции [там же, с. 10], и как следствие этого речь, на наш взгляд, может идти об "информационной агрессивности", навязывании определенных стереотипов, мнений, суждений, моделей поведения и т.д. только в одностороннем порядке.

Таким образом, исследование лингвистических особенностей текстов современной российской прессы выступает за рамки чистой лингвистики, необходимы данные психологии и психолингвистики, социологии и социолингвистики, юриспруденции и юрислингвистики, культурологии, журналистики, политологии, этнографии и т.д. Г.Я. Солганик неоднократно подчеркивал значение нового периода, эпохи "макролингвистики" в развитии языкознания, периода экстенсивного изучения языка СМИ, когда необходимо рассматривать язык как целостную структуру "в его отношении к различным сферам социальной, материальной и духовной жизни" [Солганик, 2005, с. 13]. Таким образом, при рассмотрении текстов российской прессы принцип антропоцентризма и макроанализ (язык СМИ — это не "вещь в себе", по Г.Я. Солганику) становятся необходимым и достаточным основанием для рассмотрения лингвистического явления на материале текстов СМИ.

Исследователи современных публицистических текстов отмечают абсолютизацию в массовом сознании протеста и нетерпимости как единственные способы достижения справедливости через разрушение существующих ценностей [Лысакова, 2007, с. 50], накал агрессивной стилистической тональности публицистики и "насыщение речи агрессивным пафосом" в полемических текстах [Клушина, 2008, с. 150—164], акцентуацию агрессивного компонента и повышение "негативного эмоционального фона в современном обществе" [Амосова, 2008, с.3], запредельную речевую агрессию в некоторых молодежных изданиях [Сурикова, 2007, с. 139].

Изучение феномена агрессии традиционно для психологической науки. Общепринятое мнение в сфере психологии таково, что агрессия — это поведение, причиняющее ущерб, вред [Крысько, 2003; ПС 1996]. В настоящее время можно выделить множество теоретико-методологических подходов к изучению и классификации

агрессии. Изучение же вербальной агрессии только начинается, но в современном научном информационном пространстве уже достаточно четко прослеживаются векторы и обширная география изучения вербальной агрессии и смежных с ней явлений (С.В. Амосова, Т.А. Воронцова, Г.В. Дмитренко, Н.И. Клушина, К.Ф. Седов и др.).

Под *речевой агрессией* мы понимаем целенаправленное на объект интенциональное авторское действие, заключенное в культурно-национальную специфику коммуникации и конструируемое определенным образом подобранными языковыми средствами (лексика, интонация, способ организации высказывания и т.д.). Цель этого действия — подчинение адресата, давление на него, стабилизация или коррекция ситуации в пользу адресанта, часто с демонстрацией превосходства адресанта.

Рассмотрение этого эмоционального речевого компонента (речевой агрессии), связанного с оценкой, мы попытались проследить на "модели национального языка", которой и являются тексты СМИ. При этом отметим справедливость утверждения Г.Я. Солганика и Н.И. Клушиной, что "социальная оценочность становится дискурсивной доминантой" [Клушина, 2008, с. 101].

Речевую деятельность, состоящую из речевых актов, совершающихся в соответствии с принятыми в обществе принципами и правилами речевого поведения, можно проанализировать с точки зрения наличия или отсутствия элементов агрессии. К.Ф. Седов выделяет 14 агрессивных субжанров (речевых актов, тактик): угроза, инвектива (оскорбление), возмущение, обвинение, упрек, колкость, насмешка, демонстрация обиды, проклятье, злопожелание, отсыл, грубое прекращение коммуникативного контакта и констатация некомпетентности, угрожающее молчание [Седов, 2005, с. 36]. Анализ современных медиатекстов демонстрирует различные способы формирования "агрессивного" компонента (*нападение, захват, насилие, жестокость, причинение ущерба, оскорбление, давление, изменение, коррекция ситуации* и т.д.) на страницах современной российской печати.

Сцены насилия, жестокость, описание различных конфликтов (бытовых, криминальных, политических, этнических, религиозных и т.д.), акцентуация на беззаконие, антисоциальное поведение, "смакование" подробностей (достаточно тяжелых и неприятных) того или иного инцидента, эпатажность (наравне с шоком) освещения информации стали обычным явлением для СМИ. В научный обиход введен даже термин "медианасилие" [Ениколопов, 2002], т.е. тема насилия, демонстрируемая при помощи средств массовой информации. В. Костиков в АиФ (2010. № 4) пишет: «Народ уже действительно почти приучили к голой заднице, к мату на сцене, к грубому насилию на экране и гоготу над телевизионными "хох-

мами". В основном в работах, затрагивающих этот аспект, речь идет о теле- и видеонасилии. Но анализ современных печатных СМИ[1] не демонстрирует игнорирование вышеназванных проблем: *Смертница пыталась отомстить Евкурову за погибших братьев-террористов* (И. 24.06.09); *Стреляй-байрамы на улицах России случаются все чаще и громче. Сначала они происходили где-то высоко в горах. Потом* "*красивый горский обычай*" *перебрался в крупные города Северного Кавказа*» (И. 21.07.09); *В Кабардино-Балкарии боевики показательно обезглавили милиционеров* (КП. 25.11. 09); *Замучен в застенках* (АиФ. 2010. № 4) (об издевательстве милиционера над журналистом).

Образ врага, страх, жестокость, смерть, насилие, война, борьба, секс как составляющие агрессивного поведения стали одними из любимейших тем журналистов. При этом совершенно справедливо мнение Е.И. Пронина, что "сами журналисты относятся к психологической компоненте massmedia исключительно в инструментальном плане, как к источнику дополнительных возможностей манипуляции" [Пронин, 2002, с. 11]. **Предметно-тематический способ** презентации агрессии в печатном тексте наиболее узнаваем и тиражируем.

Н.И. Клушина, исследующая публицистический текст как воздействующий, персуазивный, тип дискурса, замечает, что "в отборе и классификации фактов и явлений действительности, в их описании под определенным углом зрения, в соотношении негативных и позитивных деталей, в специфических лингвистических средствах" [Клушина, 2008, с. 101] проявляется оценочность, при этом речевая агрессия представляет "инвентарь экспрессивно-провокативных лексем" [Клушина, 2009]. В соответствии с этим тезисом в качестве второго по значимости способа презентации агрессивного компонента мы выделяем **семантико-аксиологический**, реализуемый на лексическом уровне. В самих языковых экспликациях для номинации лица или явления уже заключено понятие агрессии по отношению к определенному номинанту, группе номинантов, событию (*чурка, чучмек, чурбан, черный, нацмен, хачик, хач, дрянь, скотина, мразь, лох, шлюха* и т.д.), которое лишь усиливается с введением в контекст: *Регина Хлебникова крикнула ему:* "*Умри, **хачик**!*" *— и начала бить ножом в грудь, спину* (Ъ. 13.05.08); "*Убивай **хача**, мочи **хача**! Бей **хача**! Бей **чурбанов**! Бей **черных**!*" (РГ. 01.09.09); *Муфтий обругал иудеев и поссорился с православными*: *решение было принято после того, как сопредседатель совета Нафи-*

[1] В качестве иллюстраций в работе приводятся примеры из газет: Комсомольская правда (КП), Известия (И), Коммерсантъ (Ъ), Российская газета (РГ), Аргументы и Факты (АиФ), интернет-источников: Интернет-газета ДНИ. РУ. http.:// www.dni.ru и Lenta.ru. Издание Rambler Media Group. http://lenta.ru

гулла Аширов 4 марта назвал сионизм ***фашизмом****, а протесты евреев остались незамеченными* (И. 20.03.08). Таким образом, **слово** выступает как агрессивный компонент или часть слова (лексико-семантический вариант, коннотация, оттенок значения) несет "агрессивный" заряд.

Средством выражения этого способа являются:

а) слова, содержащие только отрицательную характеристику для номинации, контекстуальное употребление которых может быть расценено как агрессивное или оскорбительное (*дрянь, сволочь, мразь, фашист, шлюха, проститутка)*. Чаще всего такие слова имеют лексикографически закрепленную помету *бранное.* В нашем понимании агрессивное не всегда оскорбительное, но оскорбительное всегда агрессивное. Например, в словах *экстремизм, экстремист, экстремистский, террорист, террористический, террор, боевик, убийца, киллер, пояс шахида* содержатся яркие агрессивные концепты "смерть", "страх", "разрушение", "деструкция", "ущерб": *Не понимаю и того, почему "войсковую" операцию против мирных жителей стали проводить с привлечением спецподразделений, явно заточенных на борьбу с* ***террористами****?* (АиФ. 2010. № 4). В этом случае речь идет о номинации, содержащей "агрессивный" компонент.

б) ксенофобизмы, служащие для обозначения определенного этноса или являющиеся маркерами религиозной принадлежности (*чучмек, хач, хачик*, *даги* (о жителях Дагестана)*, негр, цыгане* и т.д.; *нехристь, шахид, ваххабит,* и т.д.). В этой связи отметим, что часто простая номинация по национальному признаку становится предметом возмущения и расценивается как агрессивный выпад: *Глава вайнахской диаспоры Махмет Матиев считает, что местные власти сознательно выдавливают кавказцев из республики. На их стороне и общественное мнение, и пресса: — Почему все время подчеркивают, что мы* ***чеченцы****? Мы граждане России* (КП. 31.08.07). Отметим, что в русском языке такие слова, как *кавказцы, чукчи, вакхаббиты* (судя по газетным публикациям) чаще всего употребляются с негативной окраской и для описания негативных действий: *И тогда люди вышли на улицы громить магазины и ларьки, принадлежащие кавказцам. Отведя душу, кондопожцы собрали народный сход, который определил требования к властям. Первым пунктом стояло "выселить из города в 24 часа всех* ***кавказцев****"* (КП. 31.08.07).

Единицы из этой условной группы могут выполнять функцию идеологем, как это случилось с лексемами "шахид", "ваххабит" в результате семантической трансформации (см. пункт ж).

в) переносные значения слов с презрительной, уничижительной, бранной окраской (*черный, чурка, чурбан, черножопый*), часто

в этом случае речь идет о зоосемантических метафорах с агрессивным компонентом (*скотина, козел, гад, свинья*).

Данный тип единиц несет потенциал агрессии и часто является предметом судебного разбирательства: *Районного начальника в Алтайском крае суд приговорил к штрафу в 42 тысячи рублей за то, что прилюдно обозвал главу местного сельсовета, как сказано в приговоре,* "***одним из сельскохозяйственных животных, имя которого носит явно оскорбительный оттенок***". *Да уж, неслабо так мужик за* ***козла*** *ответил* (КП. 26.08.07). Например, фраза "*Режь русских* ***свиней****!*" в Кондопоге (Карелия) послужила просто призывом, сигналом к массовой драке на национальной почве (И. 22.07.08). В этом случае зоосемантическая метафора "свиньи" расценивается как агрессивная, оскорбительная. Причем "агрессивный" эффект усиливается именно с помощью словосочетания существительное + относительное прилагательное (*русские свиньи*), с конкретизатором "русские", для обозначения определенного этноса. Происходит двойное оскорбление: 1) человек, в данном случае, группа людей названы "свиньями"; 2) задет определенный этнос — "русские". Агрессия имеет адресат. Само же побудительное предложение с глаголом "резать" расценивается как призыв к противоправной деятельности. Речь идет о криминальной ксенофобии.

При этом можно говорить о двойственности, амбивалентности значения этих единиц (зоосемантических метафорах). Например, А.П. Чехов свою жену О. Книппер называл: "*Актрисуля*", "***собака***", "***лошадка***", "*милый мой зяблик*" *— актриса Художественного театра Ольга Книппер* (КП. 29.01.2010).

г) бранные слова при обращении к человеку, сказанные в адрес человека. Сюда можно отнести инвективы, злословие, проклятия, злопожелания, прозвища, ярлыки. Для выявления этой составляющей речевой агрессии необходимо учитывать два вида современной субстандартной вербальной инвективы, выделенные Г.В. Дмитренко [Дмитренко, 2007]: а) эксплетивную (общую бранную лексику, религиозную эксплективу, междометную эксплективу) и б) агрессивную (оскорбления и проклятия). Агрессивный компонент при этом реализуется с различной степенью интенсивности (1) от слабо выраженной (не имеющей адресата или для выражения собственных эмоций): *Как недавно говорил на тусовке в Ницце (ну не в Пензе же) совладелец компании Mirax г-н Полонский:* "*У кого нет миллиарда, пусть* ***идут в ж...***" (АиФ. 2009. № 13); *Или на мнение Интернет-аудитории, которая бескомпромиссна (людям, сидящим перед мониторами, ничего не стоит* "***обос...ать***" *любого...* (АиФ. 2007. № 43);) до 2) максимальной степени манифестации агрессии (оскорбления, проклятия): *Суду понадобилось шесть месяцев, чтобы разобраться в данной ситуации. Все претензии по скандалу*

в итоге свелись к одной фразе Ксении в адрес Ольги: “***Обос…ли — обтекай!***” (Интернет-газета ДНИ. РУ. 21.01.10).

Одно и тоже слово в зависимости от ситуации, контекста может находиться на условной шкале агрессивности в различных точках, что мы и продемонстрировали последними примерами (АиФ. 2007. № 43 и Интернет-газета. 21.01.10). Для диагностирования агрессивного компонента важны не формальные признаки (бранное, жаргонное, просторечное, нелитературное, табуированное и т.д.), а глубинно-смысловые (интенциональность, адресность, ситуативная обусловленность и т.д.). Агрессивный компонент, формально выраженный в слове, может и не выполнять функцию вторжения, подавления, захвата, коррекции и т.д. Ольга Кучкина в КП за 29.01.10 приводит такой пример из письма А. Чехова родному брату Николаю: «*Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними. Они не говорят:* “*Меня не понимают!*” *Или:* “*Я разменялся на мелкую монету! Я <****б…****>!*”, *потому что все это бьет на дешевый эффект, пошло, старо, фальшиво...*». В этом случае определяется “междометная эксплетива”.

Описание коммуникативного акта в КП за 19.05.2006 (*Учительница обозвала ученика и... пошла под суд. Ее извинения родители школьника не приняли*) может быть расценено как речевая агрессия: *В тот день на уроке русского языка в школе города Ленинска Волгоградской области проходили фразеологизмы. Учительница Вера Гудкова объясняла восьмому* “*Б*” *смысл выражения* “*ни рыба ни мясо*”*: — Если говорить на ВАШЕМ языке, — это* “***лох***” (выделение. — *Ч.М.*), *пояснила Вера Александровна. И на свою беду закрепила сравнение наглядным примером. — Ну, как... Максим Абросимов. Класс (выражаясь современным языком)* “*выпал в осадок*”.

Филологическими изысканиями на тему “откуда есть пошли лохи на Руси” заняты и педагоги, и следствие.

— Я же не хотела Максима обидеть, — убеждает нас провинившаяся учительница. — Я назвала то слово, имея в виду ***недотепу, неграмотного человека****...*

Пока она по-прежнему ведет уроки в восьмом “*Б*”. *Ждет суда, который разберется в этом филолого-педагогическом споре — является ли слово* “***лох***” *оскорбительным и должна ли учительница отвечать за базар? Ну, выражаясь доступно.*

Анализ этого текста на *семантическом уровне* демонстрирует наличие потенциально конфликтного лексического элемента “лох”, слова-ярлыка, направленного на деструкцию речевой ситуации и подчинение (давление) адресата, что проявляется в умалении его достоинства, оскорблении, сковывании ответных действий или “молчаливом бунте”. Словарь Д.И. Квеселевича [Квеселевич, 2005] единицу “лох” дает с пометой *жарг.*: простак, деревенщина; про-

стофиля, разиня — и приводит устойчивые сочетания с этим словом: выщепить лоха на катку (вовлечь жертву в шулерскую игру); обувать/обуть/постирать лоха (обманывать/обмануть лоха). То что слово выходит за пределы русского литературного языка, не вызывает сомнения, это же подтверждается дефинициями и пометами в Словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, 2003]: *деревенщина — прост*. О грубом, простоватом человеке, жителе деревни; простофиля — *прост*. Глуповатый, малосообразительный человек, разиня. Слово же "разиня" в словаре фиксируется как обладающее *разговорно-пренебрежительной* окраской: рассеянный, невнимательный человек.

На первый взгляд, в примере речь может и не идти об агрессивной речевой форме, но фраза «"***лох***" — *Ну, как... Максим Абросимов*», прозвучавшая в закрытом институциональном дискурсе из уст учителя может быть приравнена к оскорбительной, а значит, агрессивной, тем более что идет прямое сравнение с использованием сравнительного союза "как".

е) жаргонные слова, часто уже ангажирующие агрессивный компонент и нередко имеющие негативную оценку, которая в "непривычном" для жаргонизмов окружении только усиливается в результате диссонанса с литературным контекстом (*450 тыс. руб. по решению суда должен заплатить Г. Зюганов за* ***оскорбление*** *губернатора Кемеровской области А. Тулеева. В одном из своих выступлений Зюганов сказал, что Тулеев устроил в области* "***паханат***" (АиФ. 2008. № 8). Т.И. Сурикова говорит о варваризации языка в широком смысле, упрощении, опошлении, вульгаризации, экспансии жаргонов социального дна и т.д., о криминализации мышления, "языковая сторона которой — осмысление жизни в категориях блатного и наркоманского жаргона" [Сурикова, 2007, с. 143].

Степень проявления агрессивного компонента, формирующегося с помощью жаргонных слов, может варьироваться от социально-культурного среза до политико-экономической ситуации. При описании сталинской эпохи в газете "Комсомольская правда" (27.01.2010) использовано жаргонное слово "шарашка" для номинации секретных НИИ и КБ, в которых работали заключенные инженеры: *Но тогда ее могли прочесть только друзья писателя по* "***шарашке***"*... Кроме того, в павильонах* "*Мосфильма*" *были построены две масштабные декорации —* "***шарашки***" *и Лубянской тюрьмы*. В этом случае мы не можем говорить об агрессивном компоненте значения. Он очень сильно размыт для современного читателя. При этом, несомненно, оценочность слова игнорировать нельзя.

ж) определенные идеологемы и стереотипы, которые уже целенаправленно воздействуют на сознание адресата, в нашем случае речь о базовой идеологеме "образ врага" [Клушина, 2008]. Единицы

террорист, шахид, шахидка, пояс шахида, ваххаббит, употребляемые в публицистическом тексте, уже "политически заряжены" агрессивной компонентой "смерть, террористический акт, угроза жизни, деструкция". На наш взгляд, эти слова демонстрируют именно принадлежность к данной группе, группе идеологем и стереотипов, так как они выступают в функции идеологем в определенной ситуации, в конкретном месте, т.е. реализован темпорально-локальный признак. Смещение полюсов оценки (от агрессивного заряда до положительного) продемонстрируем примером: *Ющенко повторно признал* ***бандеровцев борцами за независимость*** (Lenta.ru. 29.01.10), таким образом, если раньше *бандеровцы* были *врагами, бандитами*, то сейчас они *борцы за независимость*, *герои, патриоты*.

Возникновение "агрессивного" значения в результате смены полюсов оценки, что влечет изменение номинала языкового знака, подтверждается и словарными дефинициями новейших лексикографических источников. В словаре 2008 г. [Катлинская, 2008] "ваххабизм" трактуется лишь как "*религиозно-политическое течение в исламе, носящее имя своего основателя Мухаммеда ибн Абд-аль-Ваххаба, проповедующее религиозную чистоту и аскетический образ жизни*". Никаких оценочных созначений эта дефиниция не содержит, несмотря на многочисленные случаи употребления единиц "ваххабизм", "ваххабит" в текстах СМИ конца XX — начала XXI в. именно с агрессивной составляющей: *В Дагестане объявлены вне закона* ***ваххабиты — последователи радикального течения в исламе.*** (НТВ. 16.09.99); *Убитый* ***ваххабит*** *поможет на переговорах с боевиками... Судя по всему,* ***крупный полевой командир****. Его убили во время вчерашнего боя под Аргуном. И надеются обменять на любого нашего солдата — мертвого или живого* (КП. 08.12.99).

В словаре 2006 г. [ТСР, 2006] найдены единицы "ваххабизм", "ваххабист" с вариантом "ваххабит", "ваххабистский", имеющие помету *политическое.* Но словарь приводит лишь одно (традиционное) определение для ваххабизма как религиозно-политического движения. Заметим, что, в отличие от словаря 2008 г., помета *политическое* + дифференцирующее "религиозно-*политическое* движение" уже "маркируют" само понятие. Иллюстрации демонстрируют и новые смысловые центры аттракции: *Распространение* ***экстремистских*** *религиозных течений, классическим примером каковых и является* ***ваххабизм*** <...> 2000 г. [там же, с. 174]; *Рустам Ганиев... занимается организацией крупных* ***диверсионно-террористических актов*** *на территории* ***Чечни*** <...> *и входит в ближайшее окружение* ***Шамиля Басаева****. Он* ***убежденный ваххабит*** *и не признает никого из своих родных, включая отца... По версии следствия, Рустам Ганиев сам предложил своих сестер в качестве смертниц для теракта в ДК на Дубровке и получил за каждую от Басаева по $ 1500* (Изв., 19.08.03)» [там же, с. 175].

В словаре 2009 г. [Черкасова, 2009] в качестве иллюстрации к одному из лексико-семантических вариантов слова “ваххабизм” приводится следующее: “*во 2-й половине 90-х гг. XX в. — **представители вооруженных чеченских группировок**, борющихся за отделение Чечни от России; **не соблюдают основные правила ваххабизма**, принимают участие **в террористических актах** на территории России и в **военных столкновениях** с федеральными силами, употребляют спиртные напитки и наркотики, занимаются кражей людей с целью получения **выкупа.*** (*В России ваххабит — бандит, в Чечне — солдат.*)” Локальный признак значения “бандит (в России) — солдат (в Чечне)” аналогичен ставшему уже классическим примером идеологемы “шпион — разведчик”.

Закреплению смысла “враг” у единицы “ваххабит” способствует и синонимический ряд, выделяемый из современных медийных контекстов: *ваххабит, исламист, последователь радикального течения в исламе, фанатик, экстремист, боевик, полевой командир, террорист, убийца, смертник.*

Аналогичная ситуация с заранее заданной идеей (смыслом) самой политико-социальной ситуацией нередко наблюдается и у слов “олигарх”, “авторитет” (чаще всего криминальный): *После убийства известного криминального **авторитета** Япончика в России осталось 149 так называемых воров в законе. Во всяком случае, именно столько криминальных авторитетов находится на оперативном учете органов внутренних дел.* (КП. 29.01. 2010). Применительно к слову “олигарх” можно говорить о реализации оппозиции бедные—богатые, свои—чужие, меньшинство—большинство, когда в основном в России живут “бедные”, “свои”, которых “большинство”.

Манифестация языка вражды демонстрируется и при употреблении словообразовательных дериватов от слова “олигарх”: *Эти **олигархические** отпрыски совсем не знают жизни, никогда не спускались в метро, не общались с детьми из других социальных слоев, не подозревают, что в их стране есть бедные и больные* (АиФ. 2010. № 4). Т.И. Сурикова говорит о “ворюгах-олигархах”, приводя это слово в ряду с “буржуями”, “капиталистами” [Сурикова, 2007, с. 152]. Мы можем сделать вывод о **тиражировании** СМИ таких “социумных объектов агрессии” [Воронцова, 2006], как русские—нерусские (*цыгане, номинации жителей закавказских республик* и т.д.); христиане—нехристиане (*исламисты*); бедные—богатые (*олигархи*), реалии криминального быта (*братки, шконка, стрелка, крысятничать* и т.д.).

з) эвфемизмы. Агрессивный компонент часто наиболее выпукло демонстрируется в случае эвфемизации, когда, стремясь быть политкорректными, получается “как всегда”. При этом формальная смена аксиологического компонента не затрагивает глубинной семантической ткани выражения. Выражение “лицо кавказской

национальности" часто расценивается как более оскорбительное для номинации жителей республик Закавказья, а "обитатели Куршевеля" ассоциируются лишь с олигархами, как "солдаты полумесяца" с исламистами.

и) реализация национально-культурного "агрессивного" компонента значения слова. Речь идет о словах, которые в зависимости от социокультурного национального языкового пространства могут приобретать "агрессивную" окраску (сравни: обращение к человеку "*Тыква!*" в русском языке и ласкательное "Pumpkin" (тыква) в английском; *И всему виной исландская певица Бьорк, которая незадолго до старта Олимпиады произнесла на своем концерте в Шанхае слово "**Тибет**". <...> Министерство культуры официально заявило, что Бьорк нарушила китайские законы и обидела китайский народ.* (КП. 20.08.08)); Аналогичный пример можно привести со словами "негр", "черный" являющимся оскорбительным для афроамериканского населения. Каждая культура имеет собственные "лингвистические ярлыки", непонятные для "чужака". Например, taco — обидная кличка для мексиканцев. Причем, по свидетельству авторов Иллюстрированного словаря американского сленга, слово "taco" это и блинчики с мясом, а благодаря именно этому значению и "может быть самое популярное испанское слово в англоязычной среде" [Московцев, 2008, с. 362]. Интересна характеристика, данная *баксу* (buck) Н. Московцевым и С. Шевченко: *доллар баксом зовут в России гораздо чаще, чем в Америке. В Америке к доллару относятся уважительно, добыть его нелегко и обзывать не очень принято. Никто не скажет "20 000 баксов", язык не повернется* [там же, с. 160]. Таким образом, речь идет о трансформации коннотации из английского в русский, о приобретении и ассимиляции не просто реалии и номинации, но и о заимствовании и даже преобразовании, русификации оттенка значения английского сленгового слова.

Еще одним примером различия в интерпретации слов и выражений в межкультурном пространстве можно считать и конфликт с песней "Put in", с которой Грузия собиралась выступать на конкурсе Евровидения и которую запретил Европейский вещательный союз (КП. 13.03.09). Фонетическое звучание английского "Put in" и Путин ясно даже и не знающему английского человеку. Был усмотрен потенциальный конфликт на культурном уровне как отражение политического конфликта Грузия — Россия.

Нельзя не согласиться с Ю.С. Прохоровым, что текст — это "интровертная фигура коммуникации" или "совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности" [Прохоров, 2004, с. 34]. Отсюда и различия в трактовке, интерпретации, кодировании и декодировании текста.

к) иноязычные слова, выполняющие или функцию “экспансии” русского языкового пространства (*аутсорсинг, варрант, денонсация, консумация, куртуазный маньерист, маржа, ритейл, спрэд, эккаунтинг, энигматичный, эстимейт* и т.п.) или уничижительную функцию по отношению к адресату (когда адресант специально использует слова иноязычного происхождения, заведомо непонятные адресату или же автор демонстрирует свое негативное, агрессивное, отношение к описываемому: *А главным воспитательным* ***месседжем*** *становится призыв во всем полагаться на свою семью...* (Ъ. 30.05.08); *Гус пристрастился к русской классической литературе... Собирается* ***коуч*** *взяться даже за “Войну и мир”...* (КП. 6.06.08); *Почему-то это сильно впечатлило Валентина Гнеушева, который, сидя в жюри, делал свое шоу — что-то нес на французском языке... После выступления Макарского он вскричал:* ***Тре жоли! Тре жоли!*** *Как трудно вас иметь только в качестве партнера для танцев! — Что вы имеете в виду? — насторожился Макарский. Для ясности замяли* (КП. 18.01.06). Этот пример демонстрирует как нерусский синтаксический оборот “иметь в качестве партнера” в такой “иноязычной” синтаксической презентации может восприниматься двусмысленно.

Вышеприведенный анализ показал, что общая мысль текста, как и его тональность, в нашем случае речь идет об агрессивной тональности, не может быть выделена лишь на основе формальных признаков. Необходим комплексный подход, учет связей между всеми единицами текста и категориями (словами, словосочетаниями, предложениями, сверхфразовыми единствами и их грамматической характеристикой), так как необходимо промаркировать ключевые компоненты текста и «усмотреть в отдельных “кусках” информации, предлагаемой в изолированных фразах, общую мысль и подтекст сообщения» [Лурия, 1975, с. 44]. О концентрации декодирования на тексте в целом, а не на его “анатомических” частях также пишет и Л.Г. Кайда, которая подчеркивает важность не смысла высказывания самого по себе, а его роль в развитии главной публицистической идеи [Кайда, 2006, с. 39]. Мы согласны с мнением А.Р. Лурии, что “при наиболее простых сообщениях, декодирование совершается автоматически и не требует специальных усилий; декодирование сложных сообщений требует иногда очень значительной работы, направленной на сопоставление отдельных фрагментов сообщения, на анализ их логико-грамматических связей и на проникновение в основную мысль сообщения” [там же, с. 187].

Важность изучения журналистского текста в динамическом аспекте также подчеркивает В.В. Славкин, так как “общий вектор развития гуманитарного знания в настоящее время ориентирует нас на переход от структурно-семантического к коммуникативно-деятельностному подходу”, и изучение журналистского текста в

особенности должно быть анализом коммуникативной деятельности не только автора, но и реципиента — читателя или зрителя [Славкин 2005, с. 17]. Именно это, коммуникативная деятельность автора и реципиента, по нашему мнению, и определяет глубинное содержание текста с агрессивным компонентом или агрессивными компонентами.

Диагностирование, характеристика и классификация потенциальных или явных агрессивных речевых форм на уровне высказывания, текста возможны при помощи **логико-грамматического** (анализируются морфологические, словообразовательные, синтаксические текстообразующие элементы) и **логико-композиционного (**характеризуются структурно-семантические сдвиги синтаксических структур и их взаимоотношение с другими составными частями текста) **способов**, при которых учитывается семантико-прагматическое наполнение всего текста и ситуативно-стратификационная сущность речевой агрессии.

Презентация агрессивного компонента на страницах СМИ осуществляется при помощи **предметно-тематического, семантико-аксиологического, логико-грамматического и логико-композиционного способов**. Наиболее яркими способам манифестации агрессии в современном информационном пространстве являются предметно-тематический и семантико-аксиологический способы, средства реализации агрессивного компонента в печатных текстах многообразны и являются отражением деятельности социума. Предложенная классификация способов и средств презентации агрессивного компонента не является статичной: во многом она условна, так как является результатом отражения динамических процессов языка и общества.

Список литературы

Амосова С.В. Агрессивный компонент полемических текстов и иллюстраций в современной газете: Автореф. ... канд. филолог. наук. Воронеж: ВГУ, 2008.

Бачинин В.А. Философия. Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова, 2005.

Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2006.

Дмитренко Г.В. Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: Дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2007.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта; Наука, 2008.

Ениколопов С.Н. Средства массовой информации и насилие. Материалы секции "Медиапсихология" Международной научно-практической конференции "Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития". М.: Изд-во Моск. ун-та; РИП-холдинг, 2002. С. 87—103.

Кайда Л.Г. Композиционная поэтика публицистики. М.: Флинта; Наука, 2006.

Катлинская Л.П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка. М.: АСТ; Астрель, 2008.

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: Астрель; АСТ, 2005.

Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008.

Клушина Н.И. Речевая агрессия в СМИ: зоны проявления и попытки рефреймирования // Этика речевого поведения российского журналиста. Кол. монография / Ред.-сост. докт. филол. наук, проф. Л.Р. Дускаева. СПб.: Астерион, 2009.

Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. СПб.: Питер. 2003.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.

Лысакова И.П. Язык современной русской прессы // Язык массовой и межличностной коммуникации: Коллект. монография / Ред. кол. Я.Н. Засурский, Н.И. Клушина, В.В. Славкин, Г.Я. Солганик. М.: МедиаМир, 2007.

Московцев Н., Шевченко С. Вашу мать, сэр! Иллюстрированный путеводитель по американскому сленгу. СПб.: Питер, 2008.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003.

Пронин Е.И. Психологические проблемы современной журналистики. Материалы секции "Медиапсихология" Международной научно-практической конференции "Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития". М.: Изд-во Моск. ун-та; РИП-холдинг, 2002.

Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс М.: Флинта; Наука, 2004.

ПС: Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1996.

Седов К.Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации // Речевая агрессия в современной культуре / Под общ. ред. М.В. Загидуллиной. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2005.

Славкин В.В. Журналистский текст в динамическом аспекте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2.

Солганик Г.Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: Сб. статей / Сост. Г.Я. Солганик. М.: Флинта; Наука, 2005.

Сурикова Т.И. Этический аспект языка СМИ // Язык массовой и межличностной коммуникации. Коллект. монография / Ред. кол. Я.Н. Засурский, Н.И. Клушина, В.В. Славкин, Г.Я. Солганик. М.: МедиаМир, 2007.

ТСР: Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Эксмо, 2006.

Черкасова М.Н., Черкасова Л.Н. Современный словарь иностранных слов. Ростов н/Д: Феникс, 2009.

Поступила в редакцию
18.02.2010